

ВЕРА КАРАСЕВА

НОЧНОЙ
ХЛЕБ

ХЛЕБ

10-

художник А. Возянов

Это было во время войны, в осажденном фашистами Ленинграде.

Троллейбусы и трамваи не ходили той блокадной зимой.
Добраться домой пешком было тяжело, и Таня папа часто ночевал
на заводе.

Но в этот вечер пapa пришел домой. Он сказал:
— В городе два дня не выдают хлеба. Я беспокоился, как вы тут.
— Так же, как и все,—ответила мама.

А Таня молчала. Плохого ей говорить папе не хотелось, а что она могла сказать хорошего, если целых два дня у мамы и у нее не было ни крошки во рту. Да и говорить ей было трудно. От слабости все время хотелось спать.

—Хлеб будет ночью,—сказал папа.—Его уже пекут и завозят в булочные. Я вам его получу.

Пава взял карточки и ушел. Потянулся темный и длинный вечер.

Мама затопила печурку, поставила греться чайник.

—Мороз большой, самолеты сегодня летать не будут, поспи до папиного прихода.—Она потеплей укутала Таню.

Но заснуть Таня в этот вечер не смогла. Сперва ей очень хотелось есть и все время мерещилась большая горбушка черного хлеба, чуть подгоревшая и густо посыпанная крупной солью.

Потом она стала думать о папе. Кончился вечер, наступила ночь, а его все нет и нет. Где же он и почему не возвращается?

Таня знала, что папа работает на оборонном заводе, который фашисты бомбят и обстреливают чуть ли не каждый день. Но там папа не один. Там вместе с ним его друзья, его товарищи.

А сейчас... Темно в комнате, но еще темнее за окном, там настоящая чернота. И в этой черноте папа бродит один и ищет булочную, где уже есть хлеб, чтобы получить его и накормить маму и Таню.

Он может попасть под обстрел...

На него могут напасть диверсанты...

И ведь он очень устал, потому что весь день работал в холодном цеху и на обед ел пустой суп...

Зачем они с мамой его отпустили? Зачем дали ему уйти?
И Таня заплакала. Она плакала горько, но очень тихо, глубоко
зарывшись в подушку.

Ведь рядом была мама, она тоже прислушивалась к каждому шороху, тоже волновалась о папе, и не хотелось еще больше огорчать ее.

В магазине холодно и очень темно, только на прилавке у продавщицы мигала коптилка. Продавщица отпускала хлеб.

У прилавка с одной стороны тянулась очередь. Люди подходили, протягивали карточки и получали кусочек хлеба, маленький, но тяжелый и влажный, потому что муки в нем было совсем мало, а больше воды и хлопкового жмыха.

А с другой стороны столпились дети. Даже при свете коптилки было видно, какие у них худые, изможденные лица. Шубки висели на них, как на палочках. Головы их поверх шапок были закутаны теплыми платками и шарфами. Ноги — в бурках и валенках, и только на руках не было варежек: руки были заняты делом.

Как только у продавщицы, разрезавшей буханку, падала на прилавок хлебная крошка, чей-нибудь тоненький озябший палец торопливо, но деликатно скользил по прилавку, поддевал крошку и бережно нес ее в рот.

Два пальца на прилавке не встречались: ребята соблюдали очередь.

Продавщица не бранилась, не прикрикивала на детей, не говорила:
„Не мешайте работать! Уйдите!“ Она молча делала свое дело:
отпускала людям их блокадный паек.

Люди брали хлеб и отходили.

...Папа вошел без стука, у него был свой ключ. Он вошел очень
тихо и положил на стол хлеб.

—Третий час ночи,—сказала мама и зажгла коптилку.
—А на улице народа, как днем, и сказали, что хлеб будут
выдавать всю ночь.

—Разбудим Таню? —спросил папа.
—Право, не знаю, что дороже, сон или хлеб, —ответила мама.
Но Таня уже сидела на постели.

—Папа! —сказала она.— Папа всего нам дороже! — и потянулась к отцу.

—А почему у тебя подушка мокрая? — удивился он.

—Это ничего, я переверну ее на другой бок, и она будет сухая.
А вы дайте мне кусочек ночного хлеба, если можно — горбушку, —
вопросила Таня.